

УДК 394

DOI: 10.17223/22220836/40/24

О.М. Рындина, Е.В. Барсуков

ЛОЗУМ ХУМ, ИЛИ ФЕНОМЕН В.Н. ЧЕРНЕЦОВА В ПОЛЕВОЙ ЭТНОГРАФИИ (1930-Е ГГ.)¹

Статья посвящена исследованию архива выдающегося отечественного уроведа В.Н. Чернецова с целью воссоздания творческой лаборатории исследователя и контекста его экспедиционной деятельности и являет собой продолжение предыдущей публикации, посвященной 1920-м гг. Прослеживается преемственность в гуманистической позиции ученого, использовании им методов эмпатии и углубленного интервьюирования как базовых в полевых сборах, и как следствие – особое внимание изучению мансийского языка. Реконструируются социально-политический контекст 1930-х гг. и позиция В.Н. Чернецова по отношению с этносоциальным процессам у манси, которые фиксировал и в которых участвовал ученый. Выявляются тематика и представительность изобразительных материалов, хранящихся в архиве, дается общая характеристика киноматериалам.

Ключевые слова: архив В.Н. Чернецова, манси, полевая этнография.

Становление выдающегося отечественного уроведа В.Н. Чернецова как этнографа-полевика, пришедшееся на 1920-е гг., рассмотрено в предыдущей публикации авторов [1]. Настоящая статья продолжает заявленную тему в ином хронологическом диапазоне – 1930-е гг., при этом основным источником продолжают оставаться опубликованные и неопубликованные материалы из личного архива ученого, хранящиеся в Музее археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета, – фонд № 869.

1930-е гг., как и 1920-е, отмечены регулярными и интенсивными экспедиционными исследованиями В.Н. Чернецова, главным образом к северной группе манси, проживающей на р. Северная Сосьва (таблица). Методика его полевой работы по-прежнему базировалась на методе включенного наблюдения, предполагающем активное, деятельностное погружение исследователя в систему жизнедеятельности изучаемого народа, и методе эмпатии, т.е. сопереживании происходящим событиям, стремлении разделить ту же шкалу оценок и ценностей, что и изучаемый этнос, которые логично вытекали из общего гуманистического посыла мировоззрения и заключались в стремлении к максимальному сближению с изучаемой культурой, вживании в нее настолько, чтобы быть воспринятым народом в качестве «своего» [Там же. С. 236]. Активно практиковал исследователь и метод углубленного интервьюирования.

Метод включенного наблюдения позволял получать информацию практически всеми органами чувств. Так, после охоты на белку, во время обдиранья шкур, В.Н. Чернецов зафиксировал информацию о том, что тушку зверька варят для еды, при этом нужно переламывать обе бедренные кости,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00329) «Интерпретация языковой и культурной истории народа манси: этнографические, фольклорные и лингвистические материалы архива В.Н. Чернецова».

что белка без кисточек на ушах – хорошая добыча, их называют белками, спущенными с неба, такие бывают лишь в год обилия зверька, что пегие белки – тоже редкие, их жертвуют духам, а содержимое желудка белки, евшей кедровые орехи, – большое лакомство [2. С. 147, 159].

Экспедиционная география В.Н. Чернецова
Expeditionary geography of V.N. Chernetsova

№	Время	Место	Этнос
1	Июль 1931 – февраль 1932	р. Северная Сосьва	Манси
2	Август 1933 – март 1934	рр. Конда, Юконда, Тап, Северная Сосьва	Манси
3	Июль 1935 – январь 1936	рр. Северная Сосьва, Средняя Обь	Манси, ханты
4	Декабрь 1936 – январь 1937	рр. Северная Сосьва, Средняя Обь	Манси, ханты, манси, ханты
5	Август – декабрь 1938	р. Тагил	Манси

Следуя методу эмпатии, В.Н. Чернецов довел его практически до совершенства: в 1930-е гг. он сам стал «своим» – Лозум хум, т.е. ‘Мужчина с Лозьвы’, и молва о нем широко распространилась среди манси. Так, уже в первые часы пребывания в Берёзове, во время экспедиции 1931 г., в беседе на пристани с манси В.Н. Чернецов услышал о человеке, «который ходил по Уралу, жил на Сосьве и Лозьве и говорит по-вогульски». Один из его собеседников воскликнул: «Я давно тебя искал, и вот ты здесь!» [Там же. С. 135]. Со всякими делами, будь то драка или развод, вогулы шли прежде всего к нему, а не в тузсовет, что не способствовало ускорению экспедиционной работы, но отказаться от разбирательств и не оправдать доверия исследователь не мог. «Мое прозвище Лозум хум прильнуло ко мне очень плотно. Сколько раз повторяется одно и то же: подходит вогул, улыбаясь, здоровается: „Лозум хум – манси хурип хум, как остяк“. Мой авторитет чувствуют и признают все» [Там же. С. 148]. Стирание грани «свой – чужой» в среде изучаемого этноса позволило исследователю проникать в сокровенные сферы культуры и извлекать информацию из ее потаенных уголков. Данное обстоятельство и породило феномен В.Н. Чернецова как исследователя-полевика, способного раствориться в изучаемой среде и взглянуть на нее не только извне, но и изнутри, т.е. перейти на эмный уровень изучения и исследования.

Метод углубленного интервьюирования требовал от исследователя умения управлять коммуникативным процессом, моделировать его, что порой достигалось с трудом. Так, на р. Северная Сосьва, в Хулим сунт, он подробно и обстоятельно расспрашивал старика Какши ойка о фратриях, богах и духах, творении земли, о стране Мортим ма, куда на зиму улетают птицы. Старик был весьма разговорчив, и В.Н. Чернецову с трудом удалось направить разговор в нужное русло [Там же. С. 141], но затем усилия исследователя были щедро вознаграждены интересной информацией.

Исходя из специфики методов полевой работы, первостепенное внимание В.Н. Чернецовым уделялось регулярному изучению мансийского языка. Страницы практически всех полевых блокнотов и тетрадей 1920-х гг. содержат следы упражнений исследователя в мансийском языке, прежде всего в лексике – многочисленные глоссарии, в том числе и тематические, грамматике – спряжение, склонение, синтаксисе – перевод отдельных предложений. В 1930-е гг. исследователь продолжал активно совершенствовать свои лингвистические познания. Так, с целью дальнейшего углубленного изучения во-

гульского языка в 1931 г., в с. Няксимволь, был заключён договор с Кириллом Николаевичем Сампильталовым о том, что он будет переводчиком не менее двух недель с оплатой в день 4 руб. [3. Вкладыш 5]. Особое внимание теперь уделялось морфологии, фразеологии и синтаксису. Так, в записях 1933–1934 гг. наличествует систематизация сведений о мансийском языке – классификация суффиксов, материалы по страдательному залогу, сослагательному наклонению, фиксация специфики языка на уровне диалектов, на Сосьве и Сыгве (Ляпине), записи отдельных фраз с переводом, целых сюжетов [4. Л. 75–109]. В целом в экспедиции 1933–1934 гг. В.Н. Чернецов настолько овладел мансийским языком, что мог самостоятельно записывать большие тексты. По мере работы значительно возрастала и скорость фиксации: «Теперь мне осталось писать уже немного, страниц 100. При наличии хорошего рассказчика это легко можно сделать в 2 дня, но сейчас почти все в лесу (ноябрь – период активной охоты. – *Примеч. авт.*), и удастся хватать лишь урывками» [2. С. 183].

В 1930-е гг. доминирующими темами этнографических сборов продолжали оставаться социальное устройство и духовная сфера культуры. Особое внимание обращалось на описание родовых священных мест, фиксировалась информация о шаманизме, домашних духах, мохар – изображениях умерших, родовых тамгах, отношениях родства и свойства, обрядовых формах их воплощения. Вместе с тем основное внимание В.Н. Чернецов сфокусировал на фиксации фольклора и изучении обрядовой сферы, а именно Медвежьего праздника.

Фольклор вышел на первый план в экспедиции 1933–1934 гг. на реки Конда, Юконда, Тап и Северная Сосьва. Для преодоления возникавшего порой отчуждения между собой и информаторами В.Н. Чернецов исподволь использовал своеобразный «состязательный» метод. Суть его состояла в подключении к беседе уважаемого аудиторией человека, который выступал в роли зачинщика, а далее начиналась цепная реакция фольклорных откровений, чтобы не отстать от остальных. Этот метод красноречиво рисует следующий эпизод. «Первые дни в Шугуре (селение на р. Юконда. – *Примеч. авт.*) прошли печально: никак не мог раскатать вогулов на сказки. Помог мне много М.Е. Краснокуров (зав. заготпунктом „Уралпушнина“. – *Примеч. авт.*). Он рассказал небольшую сказку, чем расшевелил остальных. Сказала Нохова, потом бабушка Алёна. Пришла еще вогулка: „Все сказывают, надо уж и мне сказать, что знаю“. Записал несколько песен. Песни интересны по содержанию» [Там же. С. 167].

Рис. 1. Изображение медведя на тутчане – женской меховой сумке. Рисунок В.Н. Чернецова. Д. 57. № 145

Fig. 1. A bear on the women's traditional fur bag, tutchan. Drawing by Valeriy N. Chernetsov. File 57. No. 145

Наиболее информативный материал о Медвежьем празднике зафиксирован в экспедиции 1936–1937 гг. на реки Северная Сосьва и Обь. В.Н. Чернецов вел записи в режиме реального времени, переезжая из одного селения в другое, и практически без перерыва. Поскольку обряд проводился ночами, это сказывалось на физическом состоянии исследователя: «Остро дает знать, что за трое суток спал лишь четыре часа. Веки тяжелые, глаза колет. Беспрерывное мелькание фигур, а с другой стороны, напряженное внимание сильно их утомляет» [2. С. 214]. В результате напряженнейшей полевой работы оказались зафиксированы Медвежьи праздники в четырех селениях – Ильпи-пауль, Сури-пауль, Ялп-ус и Так-як. В ходе непосредственного наблюдения велись беглые записи, в том числе и нотные, и зарисовки, представленные в «реальных записях». Затем они расшифровывались в стационарных условиях. И тот и другой этапы работы требовали предельного напряжения сил и времени – «вчера до ночи приводил в порядок записи и зарисовки», «сегодня прошу вытопить баню, а пока привожу в порядок записи» [Там же. С. 212]; подчинения им всех остальных мероприятий – «днем было собрание, а я писал» [Там же. С. 213]. По мере возможности, прежде всего при наличии должного освещения, велась и фотосъемка. Фиксации подлежали обрядовые действия, культовая атрибутика, включая костюмы активных участников праздника, песни и реплики, и в результате был создан полевой вариант энциклопедии Медвежьего праздника – важнейшего атрибута традиционной культуры манси и обских угров в целом.

К рисункам В.Н. Чернецов вернулся уже после экспедиции, создав их акварельные варианты, хранящиеся в архиве МАЭС [5]. Беглые зарисовки, карандашные и акварельные рисунки, фотографии Медвежьего праздника сгруппированы в архиве в два дела – Д. 58 и Д. 71, которые составляют 19% от объема всех изобразительных материалов.

Сбор уникального этнографического материала проходил в тяжелых условиях. Суровые природно-климатические условия нередко порождали экстремальные ситуации. Так, возвращение с р. Тап на р. Конда в экспедиции 1933–1934 гг. проходило в условиях наступающей зимы, на реке шла шуга, несло большие льдины, постоянно грозившие перевернуть лодку В.Н. Чернецова. Во время этой же экспедиции ночевать приходилось в первозданной зимней тайге, в которой исследователь к тому времени уже хорошо освоился. Одна из ночей выдалась особенно холодная: «треск деревьев все время усиливался и, наконец, стал похож на пистолетную перестрелку... Благодаря тому, что я устроил хороший навес и запас много смолистых дров, ночь провел, в общем, благополучно, хотя приходилось жаться к самому огню» [2. С. 176].

К испытанию природой добавлялись и экономические трудности – нехватка продовольствия в районе экспедиции, на реках Конда, Юконда, Тап в 1933–1934 гг. «Хлеба на Юконде мало. Все стараются больше налегать на рыбу. Женщина и парень едут вовсе без хлеба, у них есть лишь немного картошки. У парня – дырявые сапоги... мать Гоголюхина сказала ему: „Ведь ты помрешь, Кольша, с этими сапогами-те!“ – „А что ж, лучше, там хорошо, спокойно спать-то!“ – Общая масса здешних вогул уже попривыкла к хлебу, а теперь снова приходится отвыкать» [Там же. С. 167].

Пешие переходы В.Н. Чернецова сопровождалась проблемами с проводниками, носильщиками, и в результате внушительный путь от пос. Шаим на

р. Конда до пос. Тимка-пауль, расположенного уже на р. Северная Сосьва, В.Н. Чернецов решил преодолеть один. В дорогу он отправился «с маленькой краюшкой хлеба около 1,3 кг, ...взял крупы и купил у одного из жителей сала» [2. С. 181]. Переход продолжался пять дней, с 15 по 19 ноября. Дорога была «убийственная» – шла болотистым кедрово-еловым лесом, сырым бором с густо заросшим багульников. В.Н. Чернецову пришлось преодолевать незамерзшее болото. «Местами проваливался обеими ногами выше колен и тогда, положив ружье поперек, вылезал на поверхность и дальше полз на животе по тонкому льду, еле сдерживающему колеблющуюся поверхность топи» [Там же. С. 180].

Давало о себе знать и здоровье. Во время экспедиции 1931 г. В.Н. Чернецов тяжело заболел, очевидно, долго пролежал в Сартынье в больнице: после записи от 2 июля, повествующей о его помещении в больницу, следующая датирована 4 сентября [Там же. С. 136]. Однако о полном выздоровлении речь вести нельзя: проблемы с желудком волновали исследователя и в ходе дальнейшей экспедиции [Там же. С. 138, 140].

Научно-исследовательская деятельность В.Н. Чернецова в экспедициях неизменно проходила в контексте его активной социальной позиции. Постоянное внимание в поле исследователь уделял национальному образованию, и прежде всего преподаванию мансийского языка. В экспедиции 1931 г. В.Н. Чернецов занимался с вогулами по своему букварю, проверяя его эффективность, и мог остаться доволен результатами проверки. Один из его учеников, Михаил Хантыпин – член РИК в Берёзове и зам. председателя, «ухватил очень быстро, совершенно не смущаясь латинским шрифтом (он немного грамотный, учился один сезон в Берёзове и теперь снова поедет учиться). По рисункам он очень быстро стал читать текст, а затем описывал очень правильно» [Там же. С. 135]. Возможно, результатом подобных занятий стали первые страницы дневника, где зафиксированы упражнения в написании букв и предложений [3. Л. 1–3], и тексты в «реальных записях» со сносками, возможно на букварные тексты и рисунки [6. Л. 52–66]. Ученый собирал материал и для дальнейшего усовершенствования букваря: М. Хантыпин перевел сказку про собаку и текст «Комитет Севера» [2. С. 136]. Следовательно, в букварь В.Н. Чернецов стремился включить не только тексты, вводящие в мир традиционной культуры манси, но и в ее современное состояние.

При первой же возможности В.Н. Чернецов посещал местные школы. В 1931 г., в первый же день приезда в Берёзов, посетил местную школу. Возможно, к беседе с заведующим школой Пакиным, вогулом с Конды, относится беглая запись в дневнике: «После букварной части в жизни нашей школы дети праздновали Октябрь. Выдерживаем сезонность. Зимой рассказываем, откуда привозят хлеб, как он делается... В весеннюю пору даем огородничество» [3. Л. 3]. Судя по записи, упор в преподавании делался на современные трансформации культуры. По прибытии в Сартыню в 1933 г. исследователь сразу же пошел в школу-интернат. На р. Конда, в Нахречах, В.Н. Чернецов «провел с преподавателями инструкционное собрание. Засиделись допоздна» [2. С. 162]. Очевидно, он интересовался делами и в Карымской школе на р. Юконда. По крайней мере, были зафиксированы сведения на 1 октября 1933 г. о количестве учащихся – 52 ученика, поделенные на 6 групп, и учителях – 7 человек, из них 2 вогула – «крестьянин-бедняк» и «сердняк» [7. Вкладыш 3].

В пос. Шаим, расположенном возле р. Конда, В.Н. Чернецов принял активное участие в «красных посиденках»: при избе-читальне вечерами собирались женщины, чтобы поработать, попеть, и им учителя читали какую-либо лекцию. Исследователь выступил содокладчиком в лекции о развитии жизни на Земле. Он также провел урок мансийского языка в местной школе. Ему хотелось выяснить успеваемость ребят и познакомить их с некоторыми звуками. Результатами проверки исследователь оказался доволен, хотя не без иронии оценил методические усилия свои и своих коллег. «Оказалось, что ребята очень прилично усвоили алфавит, легко читают и переводят начало букваря (в его составлении участвовал и В.Н. Чернецов. – *Примеч. авт.*)... Любопытно, что ни один из преподавателей не заглянул в методическую записку. А мы-то разорялись по поводу этих записок!» » [2. С. 177]. При этом констатировал минимальное представительство вогульских детей в группе, изучающей вогульский язык, но отметил поголовное желание школьников его изучать. «Национальный язык преподается в 4-й группе. В ней лишь один вогул, да и тот не говорит по-вогульски. Но тем не менее весь класс изъявил желание заниматься национальным языком. Даже из 3-й группы оказалось много желающих заниматься вогульским языком» [Там же].

В Тюмени В.Н. Чернецов посещал библиографический кабинет Уральского книжного центра, где познакомился с Борисом Дмитриевичем Удинцевым. От его имени он должен был расспросить на остяко-вогульской базе в Тобольске о ее работе, о поступлении «национальных книг» на места [7. Л. 1–2].

Акцентируя внимание на традиционной культуре манси, свои социально-политические взгляды исследователь в полевых материалах напрямую нигде не фиксировал. Вместе с тем он не мог не замечать и социальный контекст функционирования изучаемой этнической культуры. Представляется, что его позиция в этом отношении не была однозначной. С одной стороны, он активно и увлеченно занимался вопросами создания письменности на мансийском языке, преподавания языка в школе, о чем речь шла выше, с другой – не мог не заметить начало процесса трансформации традиционной культуры манси, конструируемого на уровне государственной политики и охватывавшего прежде всего молодежь. «Высекание знака (охотничьего затеса. – *Примеч. авт.*) подвергается гонению со стороны некоторых представителей «передовой молодежи» наравне с жертвоприношениями» [2. С. 171]. Радикализм молодых корректировал нравственные нормы и оценки более старших поколений: «Краснокуровы в молодости сами участвовали в жертвоприношениях. „Старшие ходили, и мы должны были ходить“, – как бы оправдывался Михаил» [Там же. С. 167].

Вместе с тем материалы В.Н. Чернецова свидетельствуют, что и в 1936–1937 гг. обрядовая сфера культуры манси, как следует из его дневников, лучше всего сохранившаяся на р. Северная Сосьва, продолжала активно функционировать, и вовлеченной в нее оказывалась и национальная номенклатура. Так, на Медвежьем празднике в Сури-пауль присутствовал председатель тузсовета Терентьев. «Сначала он хотел на другой день прекратить праздник, чтобы послать охотников в лес, но потом согласился дать им отсрочку на 3–4 дня. После окончания обязательной части Медвежьего праздника Терентьев провел небольшую юмористическую пьеску „уменьшенным зарядом“, которая чрезвычайно понравилась присутствующим. Игралась на хантыйском языке» [Там же. С. 213].

На лояльную в целом позицию В.Н. Чернецова по отношению к социальным процессам, протекавшим в среде манси в 1930-е гг., указывает следующий факт. На р. Лозьва в 1938 г., в пос. Тошемки, исследователь принял участие в «Октябрьских праздниках, т.е. в праздновании Великой Октябрьской социалистической революции, в частности, служа переводчиком в продолжение торжественного заседания» [2. С. 271]. Возможно, переосмысление современных исследователю этносоциальных процессов обусловило последующее изменение научной области – отход от этнографии и реализация научного потенциала в смежной дисциплине – археологии Северо-Западной Сибири.

Особую часть архива В.Н. Чернецова, практически не введенную в научный оборот, составляют изобразительные материалы – 36 дел и 1 239 ед. хр. Они представлены 437 рисунками и 766 фотографиями, что составляет соответственно 38 и 62% от общего объема изобразительных материалов. К сожалению, частое отсутствие сопроводительных надписей на фотографиях и рисунках о месте и особенно времени фиксации материала не позволяет проследить динамику в его сборе на уровне десятилетий и увязать его с локальными вариантами этнической культуры. Вместе с тем в изобразительных материалах хорошо просматриваются сквозные тематические блоки, и самый репрезентативный из них, составляющий более трети всех изоматериалов (38%), презентует изобразительное искусство обских угров, и прежде всего манси.

Особую ценность представляют рисунки В.Н. Чернецова, на которых карандашом зафиксированы орнаментированные предметы или орнаменты на них, встреченные исследователем в поле: берестяные коробки и табакерки, меховые сумки, бисерные украшения, элементы декора на жилище, нарте, весле, костяных пряжках. Таким образом, охвачена практически вся сфера орнаментируемых материалов. Если учесть, что результаты исследовательского анализа опубликованы лишь применительно к прямолинейным бордюрам обских угров [8] и узорам, выдавленным зубами на бересте [9], то можно заключить, что криволинейные орнаменты и все розетки и сетки практически не были введены ученым в научный оборот. О пристальном внимании В.Н. Чернецова к орнаменту свидетельствует не только представительность его изобразительного наследия, но и подборка соответствующего опубликованного материала, в частности, из работ С.К. Патканова, У.Т. Сирелиуса, а также из музейных собраний – Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) и Государственного музея этнографии. Несомненный интерес представляют также изображения животных и птиц, которые манси оставляли в виде охотничьих затесов на деревьях, и тамги, изображенные их владельцами. Сам аналитический процесс, в который был погружен В.Н. Чернецов, раскрывают черновые варианты таблиц, систематизирующих материал и демонстрирующих динамику определенных изобразительных и орнаментальных мотивов. На фотографиях зафиксированы разнообразные орнаментированные предметы из вышеперечисленного ряда, главным образом из музейных собраний, существенным дополнением являются вышитые женские рубахи-платья.

Вторым по объему тематическим блоком в изобразительных материалах архива является материальная сфера культуры – жилище и одежда (14%).

Здесь доминируют фотографии – Д. 72, 73. Применительно к жилищу они характеризуют срубные постройки и чумы, а к хозяйственным строениям – прежде всего амбарчики, а также сооружения для хранения дров и уличную печь. Практически все фотографии чумов вошли в опубликованную статью В.Н. Чернецова [10], а значительная часть снимков со срубными постройками заимствована из фотоколлекции МАЭ. Рисунки-схемы в Д. 59 включили разные типы жилищ – наземные и полужемлянки, срубные и каркасные, из жердей и берестяные. Карандашные наброски запечатлели первое восприятие автором священных амбарчиков, а детально проработаны они на карандашных рисунках. В акварели выполнено изображение жилища из бересты. Тему жилища дополняют сведения об интерьере – Д. 62, 66. В этом контексте заслуживают внимания графические зарисовки В.Н. Чернецовым интерьера срубных жилищ, выполненные тушью [11. № 1–3]. Они сделаны в Рахтия-пауль, Корт-я-пауль и Ильпи-пауль.

Рис. 2. Жилище из бересты. Рисунок В.Н. Чернецова. Д. 59. № 16

Fig. 2. A dwelling made of birch bark. Drawing by Valeriy N. Chernetsov. File 59. No. 16

Одежда на рисунках не представлена, за исключением выполненного в графике изображения чирка, зато ей посвящена значительная часть фотографий – Д. 73. На них запечатлена традиционная одежда манси практически во всем ее разнообразии, существовавшем на тот отрезок времени: женская и мужская, летняя и зимняя, обувь и головные уборы, прически, а также проникновение в нее фабричных изделий. Отметим прекрасную серию портретных снимков, сделанную в 1938 г. на р. Лозьве и дающую представление о разнообразии головных уборов и способе их ношения. Возможно, репрезентативность одежды в изобразительных материалах, количественная и содержательная, стала следствием гуманистического подхода к этнографическим исследованиям В.Н. Чернецова: его интересовала не абстрактная культура, а человек в ней, и через человека он выражал культуру.

Рис. 3. Вогулы с р. Лозьва. 1938 г. Фото В.Н. Чернецова. Д. 73. № 36

Fig. 3. Voguls on the Lozva River, 1938. Photo by Valeriy N. Chernetsov. File 73. No. 36

Средства передвижения, дополняющие характеристику материальной сферы культуры, зафиксированы на рисунках и фотографиях – Д. 60, 74. В первом случае доминируют материалы, почерпнутые, судя по надписям автора, из литературы – работы Т. Итконена, У.Т. Сирелиуса, а также из музейных собраний, в частности, из археологической коллекции по Горбуновскому торфянику. На рисунках изображены детали полозовых средств, очевидно, собираемые В.Н. Чернецовым для сравнительного анализа. На фотографиях доминируют нарты и лодки, причем нередко в жанровых сценах – изготовление лодки-долбенки, вытягивание сети, переправа на нарте через небольшую реку.

Хозяйственные занятия манси в изобразительных материалах представлены небольшим количеством фотографий – Д. 77. Сюжетные снимки повествуют главным образом о рыболовстве – запорный лов, просушка сетей, сушение и разделка рыбы.

Духовная культура, кроме Медвежьего праздника, о котором речь шла выше, отражена в изобразительных материалах фонда на двадцати двух фотографиях – Д. 79, запечатлевших главным образом жертвоприношения. Часть снимков опубликована автором [12]. К одному и тому же культовому месту относится несколько фотографий, в сумме воссоздающих его общую композицию и важный элемент культовой практики – молитву.

Духовную культуру раскрывает и так называемый «фильм» В.Н. Чернецова. В исследовательской литературе он известен под названием «Медвежий праздник», собственно, под этим наименованием он зафиксирован и в архивных описях. Фильм снят в 1948 г. у обских манси на р. Горная Обь и у северной группы хантов на р. Казым. Уникальные кадры запечатлели бытовые сюжеты, а также сцены Медвежьего праздника у указанных этнических групп. Съемки осуществлялись двумя кинокамерами – В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской. Обстоятельства и подробности этой поездки освещены в научных статьях и известны специалистам [13, 14]. В то же время этнографического и источниковедческого анализа киноплёнок и сохранившихся сюжетов до настоящего момента не предпринималось. В этой связи необходимо обратить внимание на один важный момент. По воспоминаниям В.И. Мошинской, «оригинал» этого фильма не сохранился [15]. Он пришел в негодность еще при жизни В.Н. Чернецова: была повреждена перфорация, и плёнка оказалась непригодна для дальнейшего использования. Валерий Николаевич смонтировал второй фильм, который, по сути, представлял собой фрагменты, не вошедшие в киноленту изначально, а также редкие сохранившиеся кадры основного варианта. В настоящее время именно эти смонтированные фрагменты хранятся в архиве МАЭС, где продублированы на нескольких плёнках разного года выпуска – 1948, 1970, 1980, а также на кассете VHS и в цифровом формате.

К сожалению, содержание первой версии фильма осталось незафиксированным, в архиве сохранилась информация лишь о его второй редакции. Однако знакомство с архивными материалами, а также результатами раскадровки киноплёнок, которую осуществила сама В.И. Мошинская, а затем в 2016 г. повторно провел В.В. Шубин, позволяет предполагать, что сохранившиеся на отдельной киноплёнке титры имеют отношение к оригиналу фильма. Анализ киноматериалов, хранящихся в архиве, позволит, во-первых, установить степень преемственности двух вариантов фильма, а также, как минимум, реконструировать сюжетное содержание его изначальной версии, во-вторых, соотнесение их с другими видами архивных источников, и прежде всего с дневниковыми записями, позволит точнее определить пространственную локализацию сюжетов и оценить их информативный потенциал.

Итак, 1930-е гг. стали временем активных полевых сборов В.Н. Чернецова, прежде всего среди северной (р. Северная Сосьва), а также восточной (р. Конда) группах манси. Подобная локальная избирательность обусловлена лучшей степенью сохранности традиционной культуры именно у северной группы этноса. Уникальные объемные материалы были собраны по фольклору и Медвежьему празднику вследствие признания В.Н. Чернецова со стороны манси «своим» – Лозум хум. Среди изобразительных материалов в качестве наиболее информативных представлены темы по изобразительному искусству, Медвежьему празднику и одежде. Киноматериалы представляют

собой второй вариант фильма В.Н. Чернецова, содержащий фрагменты, не вошедшие в киноленту изначально, а также редкие сохранившиеся кадры основного варианта. Они раскрывают бытовые сюжеты, а также сцены Медвежьего праздника у манси на р. Горная Обь и у северной группы хантов на р. Казым. Социально-политический контекст изучаемой культуры, крайне эпизодически запечатленный в полевых материалах, свидетельствует о неоднозначности позиции исследователя. С одной стороны, он активно и увлеченно занимался вопросами создания письменности на мансийском языке, преподавания языка в школе, с другой – с тревогой отмечал начало процесса трансформации традиционной культуры манси, конструируемого на уровне государственной политики и охватывавшего прежде всего молодежь.

Литература

1. Рындина О.М., Барсуков Е.В. Архив В.Н. Чернецова как творческая лаборатория исследователя (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 37. С. 228–238.
2. *Источники по этнографии Западной Сибири*. Томск, 1987. 284 с.
3. *Архив В.Н. Чернецова*. МАЭС. № 869. Д. 11. 35 л., 7 вкладышей.
4. *Архив В.Н. Чернецова*. МАЭС. № 869. Д. 14. 109 л., 4 вкладыша.
5. *Архив В.Н. Чернецова*. МАЭС. № 869. Д. 58. 23 рис.
6. *Архив В.Н. Чернецова*. МАЭС. № 869. Д. 12. 90 л., 25 вкладышей.
7. *Архив В.Н. Чернецова*. МАЭС. № 869. Д. 13. 29 л., 3 вкладыша.
8. Чернецов В.Н. Орнамент ленточного типа у обских угров // Советская этнография. 1948. № 1. С. 139–152.
9. Чернецов В.Н. Исчезнувшее искусство (узоры, выдавленные зубами на бересте у манси) // Советская этнография. 1964. № 3. С. 53–63.
10. Чернецов В.Н. Чум // Советская этнография. 1936. № 6. С. 85–92.
11. *Архив В.Н. Чернецова*. МАЭС. № 869. Д. 62. 3 рис.
12. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Труды Ин-та этнографии. 1959. Т. 51. С. 114–156.
13. Лукина Н.В., Рындина О.М. Этнографический архив В.Н. Чернецова (к 80-летию со дня рождения ученого) // Советская этнография. 1985. № 5. С. 70–74.
14. Шубин В.В. Томский киноархив В.Н. Чернецова как источник по этнографии обских угров // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 2 (16). С. 84–91.
15. *Архив В.Н. Чернецова*. МАЭС. № 869: Мошинская В.И. «О кинофильме „Медвежий праздник“». Запись Н.В. Лукиной. М., 1980.

Olga M. Ryndina, National Research Tomsk State University.

E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru

Evgeniy V. Barsukov, National Research Tomsk State University.

E-mail: barsukovevg@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2020, 40, pp. 261–272.

DOI: 10.17223/2220836/40/24

LOZUM HUM: VALERIY N. CHERNETSOV AS A PHENOMENON IN THE FIELD ETHNOGRAPHY OF THE 1930S

Keywords: Valeriy N. Chernetsov's archives; Mansi; field ethnography.

The article explores the archives of an outstanding Russian specialist in Ugric Studies, Valeriy N. Chernetsov. It aims to reconstruct the researcher's work and the context of his expeditions, and is a continuation of the previous publication by the authors dedicated to the researcher's work in the 1920s*. Chernetsov's research efforts intensified in the 1930s, with his focus at the time being mainly on the northern group of Mansi living on the river Severnaia Sos'va (Northern Sosva). His work reveals continuity in his humanistic orientation, the use of empathy and in-depth interviewing as central field research methods, and his special attention to the study of the Mansi language. His ability

to empathize was such that in the 1930s he was no longer seen as an outsider by the Mansi – they called him ‘Lozum hum’, that is, ‘the Lozva Man’. He came to be one of them and was widely known, which allowed him to gain access to the innermost spheres of the Mansi culture and acquire knowledge thereof. As a field researcher, Chernetsov thus became a phenomenon famous for his ability to immerse himself in a culture and explore it from within.

It is concluded that during his expedition from 1933 to 1934, Chernetsov was already able to write down long texts in Mansi – such was his knowledge of the language. Thanks to this, his research focus shifted to include the study of Mansi folklore and rituals, including ritual folklore. The main object of his study then was the Bear Feast – the dominant ritual element in the Mansi culture. Most informative in this regard was the expedition that lasted from 1936 to 1937, on the rivers Severnaia Sos'va and Ob'.

The article analyzes the social and political context of the 1930s and Chernetsov's attitude towards the ethno-social processes among the Mansi at the time. His view of these was ambivalent. On the one hand, he was enthusiastic about and actively engaged in developing written Mansi and teaching the language in schools, yet, on the other, he was worried about the transformation of the traditional culture of the Mansi initiated and sustained as a state policy, which concerned, first and foremost, the Mansi youth.

A part of Chernetsov's archives that remains unknown to the wider research community is made up by his drawings, sketches, and photographs – 36 files and 1,239 items, in total. The article explores these materials' themes, with most informative of them being on fine arts, the Bear Feast, and Mansi clothing. It also provides a general description of the materials filmed by Chernetsov, which include a second version of his film, with episodes that had initially been left out, and some of the film footage from the original version. These materials show the Mansi everyday life and celebration of the Bear Feast by the Mansi on the river Gornaia Ob' and by the northern Mansi on the Kazym River.

References

1. Ryndina, O.M. & Barsukov, E.V. (2020) Archive of V.N. Chernetsov as a creative laboratory of a researcher (1920s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 37. pp. 228–238. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/37/24
2. Markov, G.E. & Lukina, N.V. (eds) (1987) *Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [Sources on the Ethnography of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
3. V.N. Chernetsov's Archive. MAES. № 869. File 11.
4. V.N. Chernetsov's Archive. MAES. № 869. File 14.
5. V.N. Chernetsov's Archive. MAES. № 869. File 58.
6. V.N. Chernetsov's Archive. MAES. № 869. File 12.
7. V.N. Chernetsov's Archive. MAES. № 869. File. 13.
8. Chernetsov, V.N. (1948) Ornament lentochного tipa u obskikh ugrov [Ornament of the ribbon type among the Ob Ugrians]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 139–152.
9. Chernetsov, V.N. (1964) Ischeznuvshee iskusstvo (uzory, vydavlennye zubami na bereste u mansi) [The lost art (patterns squeezed by teeth on birch bark near the Mansi)]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 53–63.
10. Chernetsov, V.N. (1936) Chum [Chum]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 85–92.
11. V.N. Chernetsov's Archive. MAES. № 869. File 62.
12. Chernetsov, V.N. (1959) Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov [Ideas about the soul of the Ob Ugrians]. *Trudy In-ta etnografii*. 51. pp. 114–156.
13. Lukina, N.V. & Ryndina, O.M. (1985) Etnograficheskiy arkhiv V.N. Chernetsova (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo) [V.N. Chernetsov's ethnographic archive (to the 80th anniversary of his birth)]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 70–74.
14. Shubin, V.V. (2017) Tomsk archive by V. N. Chernetsov as a source on the ethnography of the Ob Ugrians. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2(16). pp. 84–91. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6119-2017-2-84-91
15. V.N. Chernetsov's Archive. MAES. № 869. *Moshinskaya, V.I. “O kinofil'me ‘Medvezhiy prazdnik’. Zapis' N.V. Lukinoy. M., 1980* [Moshinskaya V.I. About the movie “The Bear Holiday”. Recorded by N.V. Lukina. Moscow, 1980].